

ОЛИ ЭШ

ВЕДЬМА И ГОЛЕМ

18+

Олли Эш

Ведьма и голем

«Автор»

2026

Эш О.

Ведьма и голем / О. Эш — «Автор», 2026

Вера Сергеевна — практикующий маг, владелица агентства «Чистый дом». Ее верный помощник Гранит — молчаливый голем, созданный ее тетей. Их работа скучна и предсказуема, пока случайное проклятие не связывает их неразрывной магической нитью. Теперь Вера и Гранит не могут находиться друг от друга дальше чем на десять метров, а холод в груди исчезает лишь при прикосновении. Вынужденная близость заставляет Веру увидеть в каменном исполине не просто инструмент, а личность — древнего элемента земли, запертого в глиняном теле. У нее есть только один способ снять проклятие — разорвать связь, что уничтожит Гранита. Но есть и другой: научиться жить с этим, исследуя чувства, которые, как они оба считали, им недоступны. Сможет ли ведьма полюбить духа стихии, а существо из камня — познать тепло человеческого сердца? И что сильнее: магический долг или запретное чувство?

© Эш О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Чистый дом»	5
Глава 2. Поиск границ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Олли Эш

Ведьма и голем

Глава 1. «Чистый дом»

В пятницу, в половине десятого утра раздался телефонный звонок. Вера как раз допивала вторую кружку кофе и просматривала сводку заказов за неделю — три снятых сглаза, один отворот, одна чистка квартиры от мелкой нежити. Ничего интересного. Ничего такого эдакого, за чем стоило бы идти в магический патентный комитет.

— «Чистый дом», — сказала она в трубку, зажимая телефон между плечом и ухом. — Вера Сергеевна слушает.

— Здравствуйте, — голос был женский, возрастной, чуть дребезжащий. — Мне вас посоветовала Лидия Петровна. Вы ей в прошлом году помогли... с её проблемой.

Вера напрягла память. Лидия Петровна. Соседка сверху, жаловалась на «чёрную полосу»: сбежал муж, засох фикус, протекла батарея. Никакой магии — просто бытовые неурядицы, но Вера провела обряд очищения, и женщина успокоилась.

— Помню. Что у вас за проблема?

— Понимаете, — говорившая замешкалась, — я живу в квартире одна. Уже много лет. И последнее время... мне кажется, что-то мешает мне... в общем, мужчины меня не замечают. Совсем. Как будто на мне проклятие какое-то.

«Венец безбрачия», — мысленно перевела Вера. Классика. Половина клиенток звонили именно с этим. Не всегда конечно он был, но попадался нередко.

— Адрес, — сказала она, поднимая со стола ручку.

Через час Вера уже стояла перед дверью квартиры на окраине города. Район был старой типовой застройки, с пятиэтажками и разросшимися тополями. Дверь открыла сухонькая женщина лет шестидесяти, в цветастом халате и с накрученными бигуди в седых волосах. В квартире пахло валерьянкой и жареной картошкой.

— Вера Сергеевна? Проходите, проходите...

Впрочем, внутри квартира оказалась довольно уютной, хотя захламлённой старыми вещами — фарфоровыми статуэтками, пожелтевшими фотографиями, советскими коврами. Вера оглядела всё профессиональным взглядом. Магический фон действительно был не в порядке: какая-то серость, словно воздух сгустился.

— Давно вы здесь живёте?

— Сорок лет. После смерти мамы квартира мне досталась. Я думала — замуж выйду, семья будет... а оно как-то не сложилось.

Вера кивнула, доставая из сумки диагностический набор: свечу, мел, серебряный маятник. Она не любила работать с маятником — тётка учила её по-другому, — но для первичной диагностики он годился.

— Гранит, — позвала она через плечо.

В дверях появилась высокая фигура. Женщина охнула и попятилась.

— Это... кто?

— Мой ассистент. Не бойтесь, он не кусается.

Гранит молча вошёл, и в прихожей сразу стало тесно. Он был ростом под два метра, с широкими плечами и лицом, которое можно было бы назвать красивым, если бы не его странная неподвижность. Черты правильные, чёткие, как у статуи, но кожа имела едва заметный сероватый оттенок, а глаза не мигали. Одет он был в простую рабочую одежду: тёмные брюки,

рубашка с закатанными рукавами. Тётка создала его тридцать лет назад для силовой работы, и с тех пор он был единственным постоянным сотрудником «Чистого дома».

— Голем? — шёпотом спросила клиентка.

— Голем, — подтвердила Вера. — Не обращайтесь внимания.

Гранит встал у стены и замер. Он всегда так делал: замирал, как выключенный механизм, и ждал, пока Вера закончит работу или даст задание. За три года она привыкла к этому, но иногда — очень редко — ей становилось не по себе от его молчаливого присутствия. Не потому, что он был жутким. Наоборот: в его неподвижности было что-то ... надёжное.

Вера зажгла свечу и провела маятником над порогом.

Результат оказался неожиданным.

— Это не просто «венец», — пробормотала она. — Что-то более сильное. Заклятие на изоляцию. Сложное. Кто-то его создавал специально.

— Мама, — прошептала женщина. — Она не хотела, чтобы я выходила замуж. Говорила, все мужчины — обманщики. Жить с ней было надёжно и безопасно.

Вера вздохнула. Семейные проклятия были самыми трудными — не технически, а эмоционально. Магия, замешанная на любви и страхе, всегда сильнее той, что основана на обычной злобе.

— Гранит, — позвала она, — подойди. Мне нужна твоя энергия для снятия. Оно скорее всего будет отчаянно сопротивляться.

Он двинулся к ней — плавно, почти бесшумно для такого крупного существа. Встал рядом, и Вера положила ладонь на его предплечье. Через него она обычно заземляла избыточную магию: големы отлично поглощали магические выбросы.

— Начали.

Обряд пошёл не по плану почти сразу.

Проклятие действительно было сильным — намного мощнее, чем она ожидала. Оно цеплялось за стены, фотографии, старую мебель, пропитанную десятилетиями одиночества. Вера тянула его, как нить, но чувствовала, как сопротивление только нарастает.

А потом нить лопнула.

Вспышка — невидимая, но ощутимая, как удар током, — прошла через Веру и Гранита. Её отбросило назад, и она врезалась спиной в стену. На пол посыпалась штукатурка. Гранит пошатнулся — впервые на её памяти, — и его глаза на мгновение вспыхнули изнутри золотым светом, которого она никогда не видела раньше.

— Что... — Вера закашлялась, — что это было?

Клиентка испуганно жалась в углу.

— Я не знаю! Оно само! Я ничего не делала!

Вера поднялась на ноги и прислушалась к себе. Магический фон изменился. Что-то висело в воздухе — не проклятие, но его отголосок. И ещё она чувствовала странную связь. Словно между ней и Гранитом протянулась невидимая нить.

— Гранит? — позвала она.

Он повернулся к ней. Его лицо было таким же бесстрастным, как всегда, но глаза всё ещё слабо светились.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Да, — ответил он. Его голос был низким и ровным. — Моё ядро нагрелось. Это нормально?

— Не знаю. — Вера нахмурилась. — Давай закончим здесь и вернёмся в офис. Нужно разобраться, что произошло. Там и проведем диагностику.

Они закончили обряд — на этот раз без происшествий. Проклятие ушло, и воздух в квартире стал заметно легче. Клиентка рассыпалась в благодарностях, пыталась сунуть деньги, но Вера выставила счёт и быстро распрощалась.

В машине она повернулась к Граниту, сидевшему на пассажирском сиденье.

— Что ты чувствуешь?

— Ядро всё ещё горячее.

— А ещё?

Он помолчал. Потом сказал:

— Ты идёшь слишком далеко от меня.

— Что?

— Ты отошла от меня и ядро начало остывать. Когда ты вернулась — стало легче.

Вера нахмурилась и уставилась на него. А потом до неё дошло. Во время обряда, когда проклятие отбросило их, часть заклатья перекинулась. Не на клиентку — на них самих.

— Вот чёрт, — прошептала она. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Она завела двигатель и всю дорогу до офиса молчала. Гранит сидел рядом, и каждый раз, когда она перестраивалась в другой ряд, он чуть заметно поворачивал голову — словно отслеживал расстояние между ними.

В офисе Вера первым делом полезла в архивы. Тётка вела записи от руки, и среди десятков тетрадей нашлась одна — старая, с пожелтевшими страницами, озаглавленная «Големы: создание и взаимодействие». Вера пролистала её до середины и замерла.

«Если голем связан с создателем или хозяином магической привязкой, любое внешнее заклятие, наложенное на одного, может перекинуться на связь между ними. В этом случае привязка мутирует, и возникают побочные эффекты: зависимость от расстояния, усиление тактильной потребности, синхронизация состояний...»

Дальше шли зачёркнутые строки, и на полях тётка приписала: «Не проверяла. Надеюсь, не пригодится».

Вера закрыла тетрадь и посмотрела на Гранита. Он стоял у окна и смотрел на улицу. Вечернее солнце подсвечивало его профиль, и на мгновение он показался ей почти живым. Обычным человеком.

— Гранит, — сказала она. — Кажется, у нас проблема.

— Какая?

— Мы связаны. Теперь мы не можем отходить друг от друга далеко.

— Насколько далеко?

— Судя по тому, что ты сказал — метров десять. Может, меньше. И чем ближе мы находимся...

— Тем спокойнее ядро, — закончил он. — Я чувствую.

— Да. — Вера потёрла виски. — И ещё я думаю, что простым нахождением рядом дело не ограничится. Судя по записям тётки, наша связь подпитывается тактильным контактом.

— Прикосновения, — уточнил он.

— Да. Прикосновения.

Он помолчал. Потом спросил:

— Это плохо?

Вера открыла рот, чтобы ответить, и закрыла. Хороший вопрос. Действительно — плохо ли это? Три года она работала с Гранитом. Он был удобным: молчаливым, исполнительным, ничего не просил. Но сейчас, глядя, как он стоит у окна и задаёт простые вопросы, она вдруг поняла, что знает о нём катастрофически мало. Кто он? Что он чувствует? Чувствует ли вообще?

— Я не знаю, — честно ответила она. — Давай разбираться постепенно. Пока что — держись рядом. Завтра с утра поищем способ снять эту связь или хотя бы ослабить её.

— Хорошо, — сказал он.

Но когда Вера вышла из комнаты, он ещё несколько секунд стоял у окна, глядя на закат. И что-то в его груди — глубоко под слоем глины — тихо пульсировало, как второе сердце. Оно грелось, когда она была рядом. И остывало, когда она уходила.

Он не знал, как это называется. Но ему нравилось больше, когда она была рядом.

Глава 2. Поиск границ

Первая ночь после проклятия прошла на диване в офисе.

Вера не планировала ночевать на работе. У неё была квартира в пятнадцати минутах езды — маленькая, холостяцкая, зато своя. Но когда она попыталась выйти за дверь, оставив Гранита в прихожей, на расстоянии восьми шагов её накрыло холодом. Не сквозняком или к примеру ознобом от кондиционера. Таким глубоким, вязким холодом, который шёл откуда-то изнутри. Словно ей прижали ледяную ладонь к солнечному сплетению.

Она сделала ещё шаг. Холод усилился. Ещё шаг и добавилось давление. Тяжесть в груди, словно на рёбра положили мешок с песком.

Десятый шаг дался с трудом. В висках застучало, дыхание сбилось, и её накрыла волна паники. Вера попятилась, хватая ртом воздух, и с каждым шагом обратно в офис холод отступал. Давление спадало.

На пороге офиса стоял Гранит. Его лицо было, как всегда, бесстрастным, но она заметила, что он чуть наклонился вперёд — словно его тянуло к ней невидимой верёвкой.

— Тебе тоже было плохо? — спросила она, отдышавшись.

— Ядро сжалось, — ответил он. — Стало холодно. Очень.

— Ясно. — Вера прислонилась к косяку. — Значит, десять метров. Или около того.

Она посмотрела на часы. Половина одиннадцатого. Ехать домой нет смысла — тащить голема в свою квартиру не хотелось, а оставить его здесь и уехать она физически не могла.

— Будем ночевать здесь, — решила она. — У меня в шкафу есть подушка и плед. Диван старый, но спать можно.

Гранит кивнул. Он вообще не спорил.

Ночь прошла странно. Вера спала урывками, просыпаясь от каждого шороха. Гранит сидел в кресле у окна — он не спал никогда, насколько она знала, — и смотрел на улицу. Один раз, проснувшись особенно резко, она поймала себя на мысли, что ей спокойно от того, что он рядом. Не просто терпимо. Именно спокойно. Словно его присутствие было... правильным.

— Это проклятие, — прошептала она в темноту. — Просто проклятие.

Гранит не ответил. Он продолжал смотреть на огни ночного города.

Утром Вера созвонилась с Мирой — единственной подругой, которая знала о «Чистом доме» больше, чем обычный налоговый инспектор. Мира была потомственной ведуньей, но предпочла магии карьеру в IT и теперь консультировала Веру удалённо.

— «Венец безбрачия» перекинулся на голема? — переспросила Мира, когда Вера вкратце обрисовала ситуацию. — Звучит как бред поехавшего грибоеда.

— И тем не менее.

— И что, реально ощущаешь холод, когда отходишь?

— Реально. Я проверила. Десять метров — и начинается. Сначала холод, потом давление, потом паника. Как будто тонешь.

В трубке помолчали. Потом Мира сказала:

— Ладно. Пришли мне копию тёткиной тетради. Я посмотрю свежим взглядом.

— Спасибо.

— И, Вера...

— Что?

— Голем — это всё-таки не человек. Исходи из своего комфорта.

— Знаю, — ответила Вера и отключилась.

Она знала. Понимала головой. Но когда она повернулась и увидела, как Гранит стоит у окна и смотрит на неё — молча, спокойно, словно готовый ждать вечность, — что-то внутри неё дрогнуло.

День они провели вместе. Вера пыталась работать — отвечала на звонки, разбирала заявки, — но каждая попытка выйти из комнаты оборачивалась приступом холода. Гранит следовал за ней тенью. Молча. Бесшумно. Через несколько часов она поймала себя на том, что перестала вздрагивать от его присутствия.

— Почему ты молчишь? — спросила она, когда они сидели за обедом (она ела разогретый суп из автомата, он расположился напротив и просто смотрел).

— Ты не спрашивала, — ответил он.

— А если начну спрашивать?

— Тогда я буду отвечать.

Вера хмыкнула. За три года она привыкла к его молчанию, но сейчас, в вынужденной близости, оно ощущалось по-другому. Не как отсутствие, а как присутствие. Словно он был заполнен чем-то, что просто не требовало слов.

— Расскажи о себе, — попросила она.

— Что именно?

— Что ты помнишь? Ты чувствуешь? О чём думаешь?

Гранит помолчал. Его глаза чуть сузились — единственное движение на каменном лице.

— Я помню Марию, — сказал он наконец. — Она сделала меня из глины и магии. Сказала: «Будешь помогать». Я помогал.

— А ещё?

— Ещё я помню дождь. Первый дождь после моего создания. Она вывела меня на улицу и сказала: «Смотри. Это вода с неба. Живая вода». Я смотрел. Она была права. Вода живая.

Вера слушала и не узнавала Гранита. Он говорил о дожде так, словно это было чудо. Может, для него так и было.

— А что ты чувствуешь сейчас? — спросила она.

— Ядро тёплое. Ты рядом.

— И всё?

— Для меня это самое важное.

Она отвела взгляд и уткнулась в суп. Ей вдруг стало неловко — не за него, за себя. Три года она воспринимала его как инструмент. И ни разу не спросила, что он чувствует. По сути только проклятие заставило её увидеть в нём кого-то, а не что-то.

К вечеру Мира перезвонила.

— Я посмотрела тетрадь, — сказала она без предисловий. — Плохие новости. Проклятие мутировало в вашу личную связь. Оно теперь — часть привязки между тобой и големом. Чтобы его снять, нужно разорвать саму привязку.

— И что это значит?

— Это значит, что голем перестанет функционировать. Он либо умрёт, либо превратится в кусок глины. Ты к этому готова сейчас?

Вера замолчала. Она думала об этом весь день, но сейчас, когда Мира сформулировала прямо, ответ застрял в горле.

— Нет, — сказала она. — Пока я не готова.

— Тогда остаётся второй вариант. Ждать, пока проклятие само исчерпает себя. Это может занять недели. Может, месяцы. Всё это время вам придётся быть рядом и... ну, ты понимаешь насколько тебе будет комфортно его постоянное присутствие.

— Я не знаю.

— И ещё кое-что. Я покопалась в архивах. Твой Гранит — не совсем обычный голем.

— В каком смысле?

— В тетради твоей тётки есть пометка на полях. «Гранит — элементаль земли. Поговорить об этом с Верой». Ты знала об этом?

Вера медленно опустилась на стул. Элементаль. Дух земли. О таких она читала в учебниках — древние, мощные. Их не создают. Зато их можно призвать и заточить.

— Нет, — сказала она. — Я не знала.

— Ну вот теперь знаешь. Так что твой молчаливый помощник, возможно, намного старше, чем ты думаешь. И намного... сложнее. Будь осторожна.

Вера положила трубку и повернулась к Граниту. Он стоял в дверях — достаточно близко, чтобы ядру было тепло, достаточно далеко, чтобы не нарушать её личное пространство. Вера смотрела на него и пыталась осознать: внутри этой глиняной оболочки заперт дух земли. Древний. Он видел первый дождь и считал его чудом. Он не знал, что такое любовь, но спрашивал, плохо ли быть близко к ней.

— Гранит, — сказала она. — Ты знаешь, кто ты?

— Ты называешь меня Гранит. Я помогаю тебе.

— Нет. Я имею в виду — кто ты на самом деле? Внутри?

Он долго молчал. Его серые глаза внимательно смотрели на неё, и в их глубине что-то мерцало.

— Я не знаю, — сказал он. — Иногда мне снятся горы.

— Снятся? Ты спишь?

— Нет. Но когда ты спишь, я смотрю на тебя, и мне... — он запнулся, подбирая слово, — кажется. Что я что-то помню. То, что было до Марии. Вообще до людей.

Вера встала и подошла к нему. Остановилась на расстоянии вытянутой руки.

— Мы снимем это проклятие, — сказала она. — Но обещаю: я не дам тебе умереть. Ты не просто инструмент. Мне кажется, что ты — личность. Я должна была понять это раньше. Прости.

Гранит посмотрел на неё. Его лицо оставалось неподвижным, но в груди, под слоем глины, ядро потеплело сильнее обычного. Он не знал, что такое благодарность. Но это тепло было похоже на то, что он чувствовал, когда Вера улыбалась.

— Хорошо, — сказал он. — Я подожду.

— Чего?

— Пока ты во всем разберёшься. Я верю, что ты сможешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.